

В работе «К философии поступка» М.М. Бахтин ставит перед собой грандиозную задачу построения фундаментальной онтологии, “первой” философии. Такая философия возможна лишь как специфическая феноменология поступка. «Только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности, только на нем может ориентироваться первая философия»[1, с. 32]. Тогда встает вопрос: кто является субъектом поступка? Таким субъектом для Бахтина является «участное сознание», конституирующим принципом которого является установка на «не-алиби в бытии».

Термин алиби, происходящий от латинского *alibi* – где-либо в другом месте, знаком нам из юриспруденции, где он понимается, как наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о непричастности обвиняемого к преступлению, в силу того, что во время, когда совершалось инкриминируемое ему преступление, он не мог находиться в месте совершения преступления, так как находился в ином месте. Не-алиби в бытии представляет собой отрицание алиби, то есть принципиальную учасность в бытии и нахождение в нем.

Установка участного сознания на не-алиби в бытии лежит в основе единства ответственного сознания, она выступает как факт действительного признания своей причастности к единому бытию-событию, факт, не могущий быть адекватно выражен в теоретических терминах, а лишь описан и участно пережит. Чтобы в полной мере осветить не-алиби в бытии, следует выделить определенные смысловые моменты этой установки:

1) первейшим моментом является осознание следующего факта: «я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого место»[1, с. 41]. Это постулат уникальности моего Я, уникальности любого участного сознания и принципиальная невозможность другого, как говорится, «стать на мое место».

2) Вокруг этой единственной точки, только для меня открывается определенное единственное бытие единственным и неповторимым образом

3) Мой единственный в своем роде поступок, который я могу совершить, никем другим и никогда совершен быть не может.

4) «Единственность наличного бытия принудительно обязательна» [1, с. 41]. То есть единственность бытия, открывающаяся перед участным сознанием, это не результат моего воления, это онтологический факт.

5) Факт моего не-алиби в бытии не познаваем. Всякая попытка познания – это обобщение, а этот факт для каждого единственен и неповторим. Единственное, что я могу сделать, это признать факт моего индивидуального и неповторимого бытия и утвердить его.

6) Установка на не-алиби в бытии представляет постоянную динамику, участное сознание должно всегда утверждать и подтверждать своими поступками свою единственность и незаменимость, действительность своего бытия, в своей единой жизни-поступлении. М.М. Бахтин выражает эту мысль следующим образом: «По отношению ко всему действительному единству возникает моё единственное долженствование с моего единственного места в бытии. Я-единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно нудительно-единственной жизни» [1, с. 42]

Исходя из этих пунктов, можно сказать, что установка на не-алиби в бытии – это принятие и постоянное утверждение онтологической укорененности, уникальной и неповторимой единственности самого себя (бытия своего я) в бытии в его целом. Именно установка на не-алиби в бытии является мерилем, отличающим поступок с его онтологической ценностью и действие, которое не несет в себе никакой онтологически-нравственной нагрузки, тем самым являясь краеугольным камнем “первой” философии М.М. Бахтина.

---

1. *Бахтин, М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев : Next, 1994. – С. 1-72

2. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 360 с.

3. *Бахтин, М.М.* pro et contra. / СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт, 2001. – Т.1. – 552 с.; 2002. – Т.2 – 709 с.